

Ярослав Астахов

Красная строка

*Часть сборника
Лезвие осознания (сборник)*

Лезвие осознания

Ярослав Астахов

Красная строка

«Автор»

1991

Астахов Я.

Красная строка / Я. Астахов — «Автор», 1991 — (Лезвие осознания)

Есть поговорка: даже и Господь Бог не может сделать бывшее не бывшим... А может ли это дьявол? ...Вокруг, разорванная, полыхала, плотнимая мечущимся пламенным клубом, мгла. Экспедиционная машина горела! Мерцающие абрисы фигур, замерших, вычернялись метаниями бесящегося огня и тень, разбрасываемая по травам поляны, рвалась... то прядала...

Он вскочил, проламываясь из распадающегося пространства сна – в явь. Пошел, покачнувшись и выровнявшись, на трепетное мерцание фигур, в слепящее... Неистовое полыхание огня прекратилось, внезапно, пока он шел. В напряженный и одиноко вытянувшийся язык собралось все пламя. И так стояло теперь, колеблемое едва лишь, как жуткий – огромностию своею – огонь свечи. Как если б окружающий мрак, сплотившийся словно каменными стенами вокруг, создал тягу. И ветер, пригибаясь к самой земле, все бежал в огонь... И вздрагивали черные полотна теней... и близко, невероятно близко к пылающему средоточию стояли товарищи его, как в детской игре «замри» – неподвижные...

© Астахов Я., 1991

© Автор, 1991

Содержание

Ярослав Астахов	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Ярослав Астахов

Красная строка

*Клялся... что Времени уже не будет.
Откровение Иоанна, 10:6*

1

Я дал обещание родственникам его, что не буду называть его имени.

Ему снилось *темное*.

Кажется, это была... *ночь*.

Но – *живая*, пульсирующая вокруг и в его сознании колким хохотом. Пронизывающая как тысячами стальных, льдистых глаз. И словно бы поворачивающая медленно его в своих цепких, неощутимых пальцах.

А он был во сне ребенком, оставленным на ее произвол. Он звал... сжигаемый бесконечным страхом – просил, чтобы взошло солнышко.

И вот оно поднялось... *Раскачиваясь* посреди этой тьмы как страшный слоновий лоб. Оно приблизилось и хлестнуло его глаза – словно тряпкой, намоченной в кислоте, – светом. Невыносимая костяная тоска свела его душу, как судорогою, и

разбудила. Вокруг, разорванная, полыхала, плотная мечущимся пламенным клубом, мгла. *Экспедиционная машина горела!* Мерцающие абрисы фигур, замерших, вычернялись метаниями бесящегося огня и тень, разбрасываемая по травам поляны, рвалась... то прядала...

Он вскочил, проламываясь из распадающегося пространства сна – в явь. Пошел, покачнувшись и выровнявшись, на трепетное мерцание фигур, в слепящее...

Неистовое полыхание огня прекратилось, внезапно, пока он шел. В напряженный и одиноко вытянувшийся язык собралось все пламя. И так стояло теперь, колеблемое едва лишь, как жуткий – огромностию своею – огонь свечи. Как если б окружающий мрак, сплотившийся словно каменными стенами вокруг, создал тягу.

И ветер, пригибаясь к самой земле, все бежал в огонь... И вздрагивали черные полотна теней... и близко, невероятно близко к пылающему средоточию стояли товарищи его, как в детской игре «замри» – неподвижные.

И он *не понял* тогда.

Он и теперь не в состоянии постичь, как это оно получилось, что тогда он – не понял. Ему ведь не впервой приходилось видеть это оцепенение, сродное параличу, обмороку. И он бы мог догадаться сразу, что происходит! Но нет, почему-то все думалось тогда только: про-свистом... это всего лишь про-свистом их вот так завораживает огонь! Тихим, непрерывным и странным... с которым летит, летит – обрываясь, как бесящаяся в бездну вода, с наклонной...

Внезапно он увидел – через жалящий отблеск треснувшего в кабине стекла – Петра! Их водитель... как малые дети боялся он отчего-то этих ночей, безлунных... Зачем же не покинул он духоты машины, как все, хоть на *эту* ночь?!

Он выхватил карабин – у кого-то из этих, которые стояли, тупо и неподвижно, около. И принялся методично бить, направляя приклад в край дверцы – герметичного люка, чуть скошенного у колеса. Он думал: заело герметизирующий замок. Но люк... вдруг отворился

свободно. И – *видел* он: в иссеканиях скалывающегося, дрожащего воздуха несет Петр... *огонек к самокруточке*.

И тут огонь добрался до баков.

Он вовсе ничего не услышал, как это ни странно.

Только: сияющая тугая лента свивается во столб, клуб... раз-искривание, распад, небытие слепящего.

И тьма перед глазами его. И – словно перемешалось время в эти мгновения: тогда? или сразу после? – клонящаяся плоскость поляны, несущаяся ладонь, бьет... и он, отброшенный жестоким ударом – летит, летит... летит *за какой-то зияющий бешеным белым предел бездонный*.

2

И было что-то еще. Но запечатлелось в сознании, только: они идут. Не малое уже время. Не останавливаясь. По щиколотку в завалах тяжелой хвои.

Их *меньше*... Это не удивительно, разумеется. Нет Петра. Но – вдруг он осознает – их всего лишь *четверо*, нет и Владимира еще, их радиста! Что-то произошло и с Владимиром. *Что?* Мысль эта не отпускает... Казалось бы, он может это легко узнать, спросив идущего рядом. Но почему-то не в состоянии он оборвать молчания, в котором они идут. Как будто это во сне. Страх чего-то, не обнаруживаемого чувствами, но... обволакивающего, крадущегося вокруг – оковал его.

И он не может заставить глаза свои не метаться, пытая мрак.

И слух, обострившийся до предела, процеживает напряженно шорохи игл, тревожимых их ногами...

Что понуждает сердце так биться? Чем *странны* эти пространства, сквозящие вязь ветвей? Тонкие метелочки игл, колеблемые нечувствительным ветром... резные звездочки мха... трещинки на коре... О, Боже!

Так вот ведь оно в чем дело! Как может быть, что он *видит* – видит вот это все в *безлунную* эту ночь?! Под сводами глухих крон... Теперь – наконец – он

понял.

Единственному на всей Земле знакома ему... ОНА. *Сила*, в присутствии которой делаются видны предметы, хотя и невозможно понять, откуда падает на них свет. Он первый обнаружил ЕЕ, производя отвлеченные, казалось бы, вычисления.

И стал ЕЕ первой жертвой.

«ЕЕ присутствие имеет форму ядра». Фраза из его дневника. Она представляет собой простое описание наблюдения, но выглядит нелепо и странно. Впрочем, такое впечатление производит всякое вообще неведомое доселе. Не вписывающееся в картину.

Во времена Колумба Америка, вероятно, смотрелась несуразно на карте мира. Но восприятие скорректировалось. Картина знания человеческого изменится и теперь. Если только... если вообще она теперь *будет*, какая-либо картина!

Ядро... Наверное, не совсем удачное наименование для того, что обладает *сознанием*. Интересно, как называет ОНА сама это проявление свое здесь – метастаз, который ОНА дала в *наше время*? И нужно ль ЕЙ вообще имя... наползающей абсолютной Тьме, для которой нет никаких преград?

Он обнаружил ЕЕ, как это говорится, «на кончике пера». А после наблюдал и *ядро*. По-видимому, это величайшее научное открытие всех времен. (*Времен*...) Ему «принадлежит честь»... о, как он проклинает судьбу, что не кому-то другому!

Теперь за ним ведется охота. Особая... Такого не встречается и в аду, возможно. Он выработал тонкую наблюдательность – свойство дичи, всегда преследуемой. Как прочно признаки охотящегося *ядра* впечатаны в его мозг.

Первый: когда *ядро*, черное, перетекает медленно и бесшумно в полной темноте около каких угодно предметов – предметы начинают излучать слабый свет. Чуть красноватый. Практически не заметный глазу неискушенному. (Но как же *он* – то не опознал сразу? Наверное – затуманили головная боль, тошнота... Последствия контузии. Ее он получил точно: стоять так близко к взорвавшемуся баку... еще удача, что отделался так легко.)

Второй признак... Его проявлений более, чем достаточно! *Теперь* он сознает это. Огневой столп, летящий в кромешное... И малый огонечек Петра, несомый бережно к самокрутке посреди волн жара... за миг до взрыва! Пожар, который произошел, вероятно, именно потому, что...

Течение его мыслей обрывает вдруг голос, шероховатый и требовательный:

– Какой пожар? Какой огонь-огонечек? Что там еще за Петр? *О чем ты бубнишь все время?!*

Командир группы. *Старший*, как это повелось у них называть его. Остановился перед ним резко и развернулся, и смотрит... Кажется, он может потрогать рукою этот непонимающий, раздраженный взгляд.

Он что-то произнес вслух, задумавшись! Как можно было вот так забыться?

И замерли остальные двое. Они расслышали все, что сказано ему Старшим – все заданные вопросы. И эти двое тоже повернулись и смотрят. И так отчетливо изумление в напряженных позах. Тревожное... и, он знает, они сейчас изумляются не тому, что Старший обнаружил неведение о вещах, произошедших вот только что. Нет, напротив, они вполне солидарны в чувствах своих со Старшим.

И это есть третий признак.

И это остается вечно, как шрам.

Так именно должно быть, потому что рядом плывет *ядро*. Начавшее – и сколько ведь уже времени назад – дьявольскую свою работу. Ядро... по результатам деятельности оно напоминает *лесной пожар*! Не оставляет по себе *ничего*, а только: ему – этот яд в глазах... Жестокую кислоту слепого, немного даже брезгливого *изумления других перед тем, что для него очевидно*.

Пусть будет ответом его *молчание*, если так.

И вот оно полыхает, молчание, огненной стеной разделяя этих троих и его, четвертого...

Вопрос давно позабыт. Безумно – будто и не ему в глаза, а в бездну какую-то сквозь его глаза – глядит Старший... И даже вдруг является мысль: а может быть Старший – *знает*?

Но неоткуда же ему *знать*. А просто: шаги их смолкли, и вот уже нельзя не заметить – ни шороха ночного обычного вокруг них! А словно это пустыня, мертвая земля, лунный кратер...

Живое затаилось или ушло. Пытаясь оградиться кошмара, который стягивается, сейчас, вокруг них.

И даже и настолько самоуверенный человек, как Старший, чует неладное.

Оно ведь изменяет любого в ладонях своих

безмолвие. Старший медлит...

– Ну, раз уж встали – посмотримся.

Вокруг убегают в тьму, в невидимое запредельное небо – шероховатые толстые стволы. Старший, как будто отогнав морок, вдруг поворачивается резко к тому из них, который наиболее массивен. Идет, подпрыгивает, карабкается, хватая ветви у основания и впивая ребра подошв. Исчезает... Сухие сучья, содранные кусочки коры сыплются еще какое-то время, шурша и легко постукивая...

Они ждут. Тяжелой вертикальной водой замерла темнота меж дальних деревьев. Остры снующие искры в перенапряженных глазах. Обыкновенная темнота, *просто* темнота – или?..

Нет! Он лучше вообще не будет туда смотреть! Лучше – вот, на вздрагивающие огоньки сигарет, которые товарищи его, Иван и Руф, сжали в пальцах.

Приветливые теплые огоньки.

Дрожащие...

Они бы и не так еще задрожали, – он думает, глупо, вдруг. – Сумей бы они представить, хоть приблизительно, *что именно* сейчас ходит рядом!

Они... А сам-то он сумел бы рассказать в точности, *какое* оно – *ядро*? Оно подобно *воронке*. Черной... типа «абсолютно черного тела». Поставленной *вертикально*... Кромсающей попадающее в нее как вертящийся слепой нож!!

Кошмарный образ пронзает сердце.

Не выдержав, он кричит, вдруг, неожиданно для самого себя:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.